

Психологи большого города

Как отреагируют люди, если посреди торгового центра увидят валяющийся кошелек? А если на их глазах вор будет вытаскивать кошелек из чьего-то кармана? Сколько человек придет на помощь потерявшемуся ребенку? Откуда берется равнодушие или, наоборот, желание помочь?

Социальные психологи пытаются понять психологию современного горожанина. Журналист «РР» принял участие в эксперименте, который проходил в Москве под руководством американского профессора Гарольда Такушьяна.

Начинать пришлось с объятий. Это казалось мне самым трудным. Раскинув руки, я с улыбкой двинулся навстречу прохожим. Обойти меня было непросто.

— Давайте обнимемся! — предложил я ближайшему мужику.

— Нет! — гордо ответил он и ловко обогнул меня. Но я уже предлагал пообниматься бабушке со строгим взглядом.

Пообщавшись так с москвичами минут десять, я понял, что бить не будут. Многие даже соглашались обняться, особенно девушки.

Потом я предлагал незнакомцам пожать мне руку, раздавал прохожим конфетки, раз за разом терял кошелек и смотрел на реакцию окружающих. Москвичи не подкачали: многие жали руку, почти все брали конфетки, все возвращали кошелек. Злобных почти не было, люди как люди, даже квартирный вопрос их не испортил.

Мы воспроизводим классические исследования психологии горожан — проверяем, насколько москвичи доброжелательны по сравнению с жителями других мегаполисов. Впервые эти эксперименты были проведены в Нью-Йорке 70-х, а с тех пор — во многих городах мира.

Исследованиями руководит профессор нью-йоркского Университета Фордхэма Гарольд Такушьян — очень живой человек с румяным лицом и смешными усиками. Он резко выделяется в толпе: светлый костюм, уверенные движения, внимательный к лицам окружающих взгляд и широкая улыбка сразу выдают в нем иностранца.

Новые нормальные

Мы с Такушьяном познакомились на лекции в Московском городском психолого-педагогическом университете.

— Москва — самый большой город самой большой страны мира. — Гарольд начал со статистики. — Сколько здесь живет людей, 12 миллионов? А есть ли хоть один биологический вид, который создает такие сообщества? Даже у пчел максимальное число членов сообщества — 50 тысяч, у муравьев — 100 тысяч. Люди стали уникальным в этом отношении видом, хотя размеры традиционных человеческих сообществ не превышали 2–3 сотен. Мы стремительно переселяемся в мегаполисы, но такая жизнь неестественна и для нашего вида.

Американский профессор Гарольд Такушьян предлагает московским прохожим обняться. Позднее этот эксперимент будет проведен в Санкт-Петербурге, Новосибирске и других городах

Похоже, в переполненной аудитории собрались представители какого-то другого вида — глядя на них, кажется, что ничего естественнее мегаполиса для студента нет и быть не может.

Гарольд пытается напомнить студентам о проблемах городов наводящими вопросами:

— Вы ведь стоите в пробках?

— Да!

— Москва — чистый город?

Неожиданно, но «да» оказывается громче, чем «нет».

— А люди в Москве дружелюбные?

С каждым разом «да» аудитории звучит увереннее. Гарольд показывает видеоролик: пустое московское метро 1938 года, потом — толпу в час пик в наше время.

— Вам в метро нравится?

Видеоролик не действует, снова раздается дружное «да».

— И что, вы здесь счастливы?

— Да! Как посмотреть... Зависит от ситуации... — зал наполняется шумом.

Гарольд широким жестом бросает на пол тысячную купюру. Зал затихает.

— Если я уроню купюру, когда иду по улице, как поведут себя окружающие? У них три варианта: антисоциально настроенные люди тихонько подберут, просоциальные окликнут, а нейтральные проигнорируют. А теперь поднимите руку те, кто оставит деньги себе!

Антисоциальных оказывается неожиданно много, просоциальных — чуть больше, а нейтральных почти не находится, ну, или они не подняли руки, как им и положено.

— А в деревне была бы совсем другая картина, — торжествует Такушьян, — там люди охотней приходят на помощь. Неудивительно, что большинство людей со времен начала цивилизации смотрели на города как на источник проблем. Рай в Библии — это сад, а первым строителем города был Каин, первый убийца. Какие города вы помните из Библии? Содом, Гоморра, Вавилон — сплошной негатив. Христос родился в деревне, а когда пришел в город Иерусалим, его убили. С тех пор отношение к городам мало изменилось. Город — это проблемы. Но между нашими установками и реальным поведением есть разрыв. Во все времена люди повсюду перемещались из деревни в город, а не наоборот. Конечно, есть яркие случаи переезда горожан в деревню, но это исключения, а массовый тренд обратный. Я называю это городским парадоксом. Вот скажите,

кто-нибудь хочет жить на природе, в деревне, в естественном для человека окружении?

После некоторой паузы какая-то храбрая девушка поднимает руку. На миг она обращает на себя удивленные взгляды нескольких сотен Homo urbanus, сидящих на скамьях и ступенях.

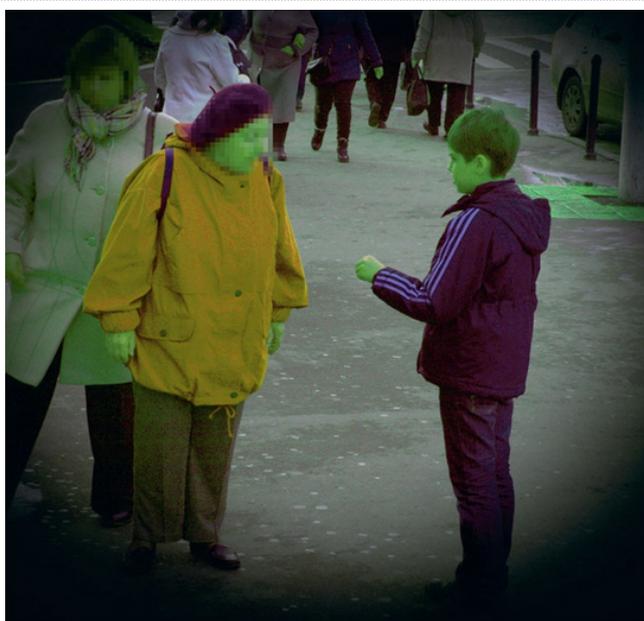
— Жизнь в большом городе ненормальна, но будущее за мегаполисами, и сегодня уже в них определяется, что нормально, а что нет. Вы — новые нормальные, — резюмирует Такушьян.

Равнодушные?

— Помогите, я потерялся. Можете помочь позвонить папе?

Федя, мой десятилетний сын, стоит возле лестницы, ведущей к входу в «Ашан» неподалеку от метро «Ленинский проспект» и с самым несчастным видом пристает к прохожим.

Я не верю своим глазам: большинство людей, оказывается, не готовы помочь ребенку. Одни отворачиваются и ускоряют шаг, другие говорят «Некогда!», третьи отсылают к охранникам супермаркета. Конечно, так поступают не все, но помогающих не так уж и много — в основном женщины, чаще пожилые. Я стою в сторонке, а когда вижу, что готовый помочь человек достает телефон, подхожу и благодарю, объясняю, что мы психологи, проверяем готовность москвичей прийти на помощь. Люди уходят с чувством выполненного долга.

"Потерянный ребенок" и готовая помочь женщина. Проверяем степень отзывчивости

Из кафе неподалеку за нами наблюдают студенты, записывающие все, что заметили, и оператор, фиксирующий происходящее на пленку, чтобы потом посчитать все типы реакций. До того как нас довольно грубо прогоняет охрана, 20 человек успевают прийти Феде на помощь, а сколько проходит мимо, точно не знаю: наверное, не меньше сотни.

За день до этого мы с Федей смотрели видео о том, как мальчик того же возраста проделывал этот эксперимент в Нью-Йорке 80-х, а люди отворачивались от него. Нам казалось, что в современной Москве такого быть не может. Не потому, что мы отзывчивей, а потому, что с мобильным телефоном помочь позвонить папе гораздо легче. Федя предложил повторить этот эксперимент с его участием.

Моя гипотеза не подтвердилась — дело не в мобильных телефонах. Но на видео были и другие кадры: в маленьком пригороде Нью-Йорка люди приходили на помощь почти всегда. Эту закономерность отмечали и во время других экспериментов. Какие только представления не устраивали психологи! Например, Пол Амато ставил сценку, в которой мужчина хромающей походкой шел по улице и вдруг падал с душераздирающим криком, корчился, закатывал штанину, демонстрируя прохожим истекающую кровью ногу. В маленьких городках и поселках останавливалась половина прохожих, в мегаполисах — 15%.

Неужели правы были древние, считавшие, что большой город уродует человека? Но каким образом и что

именно он с нами делает?

Пресыщенные

— Городские жители не такие уж и черствые, — успокаивает меня Такушьян. — Все дело в перенасыщении стимулами. В городе очень много всего происходит. Люди могут действовать, только проигнорировав 99% всего, что случается вокруг. Они не замечают друг друга. В сельской местности, повстречавшись с человеком на дороге, вы, естественно, поздороваетесь с ним. Но едва ли возможно поздороваться с толпой незнакомых людей в метро. Однако в ходе экспериментов мы обнаружили, что, как только люди обращают на кого-то внимание, они становятся дружелюбнее. Сельские жители более настороженно относятся к незнакомым людям — если горожане понимают, что нужна их помощь, они помогают даже охотней, чем сельские.

Я вспоминаю простой критерий отличия города от деревни, предложенный классиком социологии Максом Вебером: город начинается с того момента, когда жители перестают здороваться друг с другом. Вебер ввел в науку представление, что город отличается от села человеческими отношениями, это мир посторонних, отчужденных друг от друга людей. Отчуждение растет с размером города: в деревне человек живет среди родственников и близких знакомцев, в небольшом городке его окружают соседи по двору, в городе покрупнее важен вопрос: «Ты с какого района?», а в развитом мегаполисе все чаще жители не знают по именам даже соседей по лестничной площадке.

Общение горожан чаще всего ролевое, а не личностное. Мы видим в незнакомом человеке прежде всего «униформу» — продавца, врача, чиновника. Наша пресыщенность, сдержанность и безразличие — это защита, помогающая избежать личностного контакта. На всех, кого мы встречаем за день, никаких душевных сил не хватит. Конечно, если мы день ото дня встречаемся с одним и тем же продавцом, отношения могут «очеловечиться». Но мобильность горожан препятствует сохранению отношений — в конце концов или продавец уволится, или мы переедем.

Стремительный темп жизни определяет и нашу пунктуальность, кажущуюся столь естественной жителю мегаполиса и столь непонятную сельским жителям развивающихся стран. В большом городе дел так много, а расстояния так велики, что пунктуальность — единственное спасение от хаоса. Озабоченность горожан временем прямо зависит от деловой активности города: даже в Питере легко распознать москвича по частоте, с которой он поглядывает на часы. А одно из недавних исследований, проведенное в десятках европейских городов, показало: чем больше размер города, тем выше скорость ходьбы горожан.

— Главное, что меняет людей в мегаполисах, — подводит итог Такушьян, — необходимость адаптироваться к перенасыщению. Мы стали быстрее работать, быстрее разговаривать, быстрее мыслить, чем 50 лет назад. Чем больше город, тем больше в нем энергии.

Человек неподчиняющийся

Научный, то есть экспериментальный подход к изучению влияния города на человека, предложил Стэнли Милгрэм. Его работа «Опыт жизни в городах», вышедшая в 1970-м, открыла новую научную область — urban psychology, психологию большого города.

— Шекспир говорил, что город — это люди, которые в нем живут, — рассказывает Гарольд Такушьян студентам. — Вот Милгрэм и стал изучать не экономику города, не здания, а горожанина, Homo urbanis. Его заинтересовало, какое влияние оказывает город на личность и поведение, на ценности человека и его отношения с другими людьми. Он умер молодым, в 51 год. Вам, наверное, не кажется, что 51 год — это молодой возраст, а мне кажется. Сейчас мы проводим придуманные им эксперименты в Москве, так что будьте осторожны.

— Вам знакомо имя Милгрэма? — с некоторой тревогой спрашивает Гарольд.

В ответ раздается дружное «да». Еще бы, ведь Стэнли Милгрэм — главная легенда социальной психологии. Любой студент-психолог знает про его эксперимент, демонстрирующий, как легко подчинить людей и как далеко может зайти слепое подчинение. Милгрэм предлагал испытуемым-добровольцам бить током другого испытуемого — «ученика» якобы для стимуляции обучения (на самом деле током никого не били, а в роли ученика выступал помощник экспериментатора). Большинство испытуемых оказывались готовы нанести даже смертельный удар, если авторитетный человек в белом халате прикажет это сделать.

— Мне выпало счастье учиться у него, — рассказывает мне Такушьян после лекции. — Его отличала удивительная внутренняя свобода, он всегда был бунтарем, всегда преподносил сюрпризы, потрясал нас на

каждом занятии. Он был лучшим примером осознанного отношения к жизни, отказа от слепого подчинения правилам. И его исследования были частью его личной жизни — он очень хотел научить других не следовать бездумно за авторитетами. Помню, как один раз он назвал мусором знаменитые в то время эксперименты Альберта Бандуры с куклой Бобо, в которых дети, увидев, как взрослый пинает и бьет большую надувную куклу, поступали так же — подражали агрессивному поведению.

— Он называет это агрессией, — возмущался Милгрэм. — Но что еще можно делать с этой куклой, кроме как бить ее, это же вылитая боксерская груша! Вот если бы ребенок начал обнимать ее, я бы забеспокоился.

— На меня оказал огромное влияние один эпизод, случившийся на самом первом нашем занятии по социальной психологии, — продолжает Гарольд. — Он велел каждому взять листок, подписать его и поставить на нем оценки способностям остальных студентов. А потом собрал эти листки и стал их по очереди зачитывать: сначала фамилию того, кто оценивал, а потом каждую из оценок. Это было очень сильным опытом — неприятным и стыдным. Но ведь мы сами выполнили это нелепое требование, сами согласились, что он имеет право так поступить с нами. Урок был жестким, но мы твердо усвоили: прежде чем подчиниться, подумай. Это было его главным посланием людям.

— И что, все подчинились?

— Ну, почти все.

— Почти?

— Я не стал заполнять. Он собрал листки и сказал: «Вас тринадцать, а листков я собрал двенадцать». Я сидел втянув голову в плечи. Мне было страшно, ведь на самом деле я был таким же слабаком, как и все. «Извините, я не заполнил, — сказал я. — Мне кажется, студенты не должны оценивать друг друга». «О'кей», — просто сказал он. И все. Я до сих пор краснею, когда это вспоминаю. Как же мне повезло, что я стал его студентом!

Молчание очевидцев

Я прогуливаюсь с рассеянным видом и роняю кошелек из кармана — как бы нечаянно. Создать эффект случайности непросто, но вокруг много людей, и никто не обращает на меня внимания. Каждый раз, как я роняю кошелек, кто-то из прохожих тут же подбирает его и возвращает мне.

— Люди в Москве очень любезны. Мы роняли кошелек на Мясницкой — в 100% случаев возвращают. Установили камеру в одном из пабов — там девушка уронила кошелек, так сразу трое парней бросились его подбирать.

— Может, доллары ронять, в них больше магической силы, — в шутку предлагаю я.

Студенты наблюдают за экспериментами из окон кафе

— Надо попробовать! — всерьез задумывается Такушьян. — Еще я думаю, что в разных районах Москвы люди будут вести себя в такой ситуации по-разному. Мы создавали для разных городов карты готовности людей помочь. Я слышал, завтра будет демонстрация в Люблино, может, попробуем там?

Я понимаю, что он говорит о «русском марше», и начинаю его отговаривать.

— По-вашему, там люди будут менее любезны?

А если сделать это в Думе?

— Тут уж точно останетесь без кошелька! — мрачно шучу я. Гарольд, кажется, не вполне понимает.

Еще один эксперимент с кошельком — красть его друг у друга и смотреть, как отреагируют невольные свидетели.

— Милгрэм считал, что лучший способ понять, почему уличные преступники остаются безнаказанными, — симулировать преступление самим и посмотреть, как будут реагировать люди, — объясняет Гарольд.

Мы смотрим видео одного из экспериментов. Подозрительный тип в черной кожаной куртке, темных очках и пацанской шапочке взламывает дверь машины и хватает оттуда вещи. Прохожие делают вид, что ничего не происходит.

— Может быть, кто-нибудь попытается его остановить? — драматично спрашивает диктор.

Наконец какой-то мужик вмешался — стал помогать злодею открывать дверь.

— Каждый пятый из тех, кто вмешивался, делал это, чтобы помочь, думая, что перед ним владелец машины, — поясняет Гарольд. — Но были и случаи, когда помощник понимал, что пришел на выручку вору, и пытался поучаствовать в дележе добычи. На Манхэттене вмешивались 3% свидетелей, в городах попроще — процентов десять. Полицейские в большинстве случаев вели себя как обычные граждане: на Манхэттене вмешались только 5 из 65 проходивших мимо полицейских. Посмотрим, что будет в Москве.

Они тщательно фиксировали индивидуальные реакции, брали интервью у прошедших мимо людей, чтобы понять, почему свидетели игнорируют преступление. Оказалось, дело не в безразличии горожан. Вот самые распространенные причины:

- «не заметили»,
- «испугались»,
- «неверно интерпретировали ситуацию (думали, что это хозяин)»,
- «смутились, растерялись, не поняли, что можно сделать в этой ситуации».

Еще одна важная причина того, что преступников никто не останавливает, — размывание ответственности. Коллеги Такушьяна Бибб Латанэ и Джон Дарли самоотверженно разыгрывали в общественных местах трагические случаи вроде эпилептических припадков и падений с лестницы. Они установили строгую зависимость: чем больше свидетелей несчастного случая, тем меньше шанс, что хоть кто-нибудь из них придет на помощь. Этот феномен получил название «эффекта очевидцев»: если вы один на улице, то понимаете, что надеяться больше не на кого, если же вокруг толпа, каждый понадеется на кого-нибудь другого, менее занятого.

— Я общался с уличными преступниками, — рассказывает Гарольд. — Все они прекрасно понимают, что жители города не обращают внимания на то, что происходит вокруг. В результате большинство уличных преступников остаются безнаказанными.

Труссы победили

Иногда эти эксперименты напоминают уличный театр, перформансы художников-акционистов. Милгрэм с учениками спускались в метро и просили людей уступить им место — просто так, без объяснений. Вставали 68%, но цель была не посчитать проценты, а посмотреть, что случится, и рассказать об этом людям.

Прохожий возвращает кошелек Александру Воронову, доценту Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). Воронов — ведущий российский специалист по экспериментам Милгрэма. Именно он был организатором визита Гарольда Такушьяна в Москву

— Мы, студенты, очень боялись этих экспериментов, — вспоминает Такушьян. Удивительно, насколько трудно было произнести: «Пожалуйста, уступите мне место, я хочу сесть». Разговаривать с незнакомыми людьми в метро вообще не принято, а тут такая странная немотивированная просьба. Храбрейшим из нас удавалось сделать это едва ли больше десятка раз за день — это слишком изматывало.

Милгрэм признавался, что чувствует то же самое. «Слова застряли у меня в глотке и никак не выговаривались. Я стоял как замороженный», — вспоминал он свой первый опыт. Мучаясь чувством вины, студент Такушьян придумал выдавать подопытным специальные карты, объясняющие, что это был психологический эксперимент.

— Милгрэм показал, сколь сильные эмоции возникают даже при небольшом нарушении неписаных правил, регулирующих взаимодействие между людьми, — объясняет он.

Я понимаю еще кое-что про Милгрэма: во всем этом ему было интересно не только изучать людей, но и преодолевать себя, испытывать сильные эмоции, выходить из зоны комфорта, чтобы прийти к инсайту.

— Вам, наверное, не раз приходилось сталкиваться с этической критикой? — спрашиваю я. — Говорят, в США есть весьма придирчивая комиссия по научной этике.

Тон профессора меняется, видно, что он сдерживает сильное волнение.

— Я больше не могу проводить исследования в США. Это очень неприятная история. Простите меня за излишнюю эмоциональность, но вы попали в большое место. Представьте, что вам сказали в редакции: «Вы не можете писать эту статью, потому что она многих огорчит». Как бы вы себя почувствовали? В США законом запрещено останавливать журналиста, мешать ему выполнять свои обязанности. Но нет никаких проблем с тем, чтобы остановить психолога. Сегодня Милгрэм не смог бы провести свои эксперименты — вдруг это кого-нибудь травмирует? Сегодня даже психологи не желают признавать, что стресс — это необходимая часть жизни. Милгрэм говорил: если мы не хотим создавать людям стресс, давайте отменим все оценки в школах и вузах — это же стресс, и еще какой!

— А как комиссия по этике определяет, какой уровень стресса опасен?

— В каждом университете есть своя комиссия по этике. Я и сам два года был председателем одной из них. Все просто: если хоть один из членов говорит «нет», исследование останавливают. Никакого объективного критерия, одного мнения достаточно. У нас это называется «заблаговременные ограничения». Невозможно предсказать, что произойдет в эксперименте, пока вы его не начнете, но этический комитет занимается именно этим. Если может возникнуть какая-то проблема, в их логике лучше и не пробовать. Это уже не только в США. Мой британский друг, профессор социальной психологии из Ливерпуля, больше не может публиковаться. Это очень печально. Наша наука не может развиваться в мире с такой трусливой этикой.

— А если вы правда кому-то навредите?

— Не зафиксировано ни одного случая, когда бы мы кому-то навредили. Правда, 12% людей сказали, что они сожалеют, что участвовали в эксперименте «Подчинение». Но у Милгрэма в кабинете скопилась и целая папка писем от людей, которые его благодарили, потому что, поучаствовав в эксперименте, они многое узнали о себе. Я помню одно из этих писем — от еврея, который, придя домой, рассказал все жене, и она спросила его: «Ну и чем ты теперь отличаешься от палача Эйхмана?» Но в письме он не жаловался, а благодарил Милгрэма за этот опыт.

Когда Милгрэму пытались запрещать исследования, он говорил: «Давайте спросим мнение людей, которых мы защищаем» — и предъявлял результаты опросов. Но в конце концов трусы победили.

Мы должны вмешаться

— Научная психология способна сделать горожан счастливее. — Такушьян продолжает лекцию в МГППУ. — Кстати, я в Москве вижу много новых зданий, архитекторам которых не помешала бы консультация у психолога.

Неожиданно для профессора студенты начинают хихикать.

— Психологи могут изменить жизнь города. Например, в 70-х полиция очень слабо контролировала уличную преступность в Нью-Йорке — раскрывалось лишь 2% преступлений. Ситуация во многих районах была настолько тяжелой, что люди боялись выходить на улицы или уезжали. Но в 90-х нам удалось очень существенно выправить ситуацию. Мы показывали эксперименты со взломом машины, объясняли в медиа, почему прохожие не вмешиваются. Мы говорили с горожанами о том, как вести себя правильно и что нужно делать, когда они видят подозрительные действия других людей, придумали с десятком эффективных стратегий в подобных ситуациях. Мы обнаружили, что когда люди знают, что делать, они намного чаще вмешиваются в происходящее. Уровень преступности стал снижаться.

В Нью-Йорке граждан стали все больше привлекать к охране порядка. Организовалась инициативная группа «Ангелы-хранители», у них был девиз: «Мы осмеливаемся быть неравнодушными». Я работаю с этой командой уже 34 года. За это время 6 ее членов были убиты. Но их методы оказались настолько эффективными, что их признали на правительственном уровне. В 2012 году в Нью-Йорке убили 684 человека — в четыре раза меньше, чем двадцатью годами ранее, хотя население за тот же срок выросло более чем на полтора миллиона. Сейчас отделения «Ангелов» существуют более чем в 200 городах. Даже в Японии уже есть 22 таких группы, удивительно, что в Москве их до сих пор нет. Ведь уровень преступности резко падает там, где население вовлечено в охрану порядка.

На лицах аудитории ноль энтузиазма.

— Я не настаиваю на таком решении, просто рассказываю... — говорит Такушьян.

Приближается конец лекции.

— Большие города могут быть и кошмаром, и прекрасным сном. Каким будет ваш город, зависит от вас. Как вы считаете, что стоит изменить в метро, чтобы сделать его лучше?

Лекция заканчивается оживленным обсуждением того, как сделать метро более удобным, словно студенты и впрямь на миг поверили, что они могут что-то изменить в своем городе.

После лекции Такушьян продолжает втолковывать мне, что все можно изменить.

— Помните события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке? У людей резко повысилась готовность помочь. Когда мы стали проводить эксперимент «Потерянный ребенок», то обнаружили, что на помощь приходят не 49% людей, как недавно, а 70%. Теракт повлиял на поведение: краткосрочный эффект был очень мощным, затем он ослабел, но не исчез.

Суть этики Милгрэма и Такушьяна можно выразить очень коротко: мы должны вмешаться. Они не просто исследуют людей, а пытаются их изменить. Научное познание здесь соединено с перформансом и воспитательной работой. Обязательная часть исследований в школе Милгрэма — представление их разным аудиториям с предварительными вопросами: «Как вы думаете, какая доля людей поступит так, а не иначе?», «А что бы в такой ситуации сделали вы?». Потом устраиваются обсуждения, побуждающие каждого участника выработать собственное отношение к происходящему.

Было в советской психологии такое понятие — формирующий эксперимент. Имелось в виду, что ребенка не просто исследуют, а самим исследованием формируют у него нужные обществу психические функции. Социальные психологи из школы Милгрэма стремятся провести формирующий эксперимент с самим обществом. Главное отличие в том, что они не занимают воспитательную позицию «сверху», а сами в процессе исследования выходят за привычные границы, открываются новому опыту. Самое удивительное, что у них получается менять мир: общество, знающее об экспериментах Милгрэма, — это другое общество, люди в котором охотнее приходят на помощь и меньше подчиняются наделенным властью авторитетам.

Попробуем?

— Как вам Москва? — интересуюсь я у Такушьяна после лекции.

— Мне нравится, что у москвичей есть свой стиль поведения, непохожий на стиль других мегаполисов. Нравится забираться на крыши зданий и любоваться потрясающим видом. Меня радует, что в метро такие разные станции. А какие отличные здесь ребята-студенты! Они полны энтузиазма.

— Что не нравится?

— У человека, не читающего по-русски, в Москве возникают серьезные проблемы.

— А люди, что их отличает?

— У меня впечатление, что у москвичей «толще раковина», вы в большей степени обособлены друг от друга. В Нью-Йорке вы будете приняты в эту «раковину» уже через пару секунд после разговора с ее хозяином. По моему, в Москве люди готовы помочь другим даже в большей степени, но только после преодоления первоначального недоверия. Но все это надо проверить экспериментально!

«Давайте пожмем друг другу руки!» — предложение странное для большого города

— Вы уже получили какие-нибудь результаты?

— Мы только начали. Думаю, приветливость людей еще сильно зависит от района города. Мы снимаем на камеру людей, идущих по разным московским улицам, чтобы потом посчитать улыбки на их лицах. Мне кажется, что в некоторых районах люди счастливее. Хотя когда я предложил студентам посчитать, сколько людей улыбается в метро, оказалось — ноль. Я стал их расспрашивать, куда можно пойти, чтоб найти улыбающихся людей. Они говорят: куда угодно в пятницу вечером. Еще студенты будут спрашивать случайных прохожих, счастливы ли они. Думаю, мы получим много неожиданных ответов. Когда мы делали это в Нью-Йорке, кто-то говорил, что не знает, счастлив ли он, кто-то молча проходил мимо, а кто-то возвращался через 10 минут и говорил: «Спасибо, что спросили меня, я никогда раньше не задумывался об этом». Мне кажется, это важная часть работы исследователя: люди не задумываются о своей жизни, а мы помогаем им осознать что-то важное.

Неожиданно Гарольд протягивает мне руку. Я автоматически пожимаю ее.

— Вот один из наших экспериментов, — говорит он. — Это естественно — пожать руку протянувшему ее человеку. Но что произойдет на улице, если вы выйдете навстречу людям с протянутой для рукопожатия рукой? По-моему, это неплохой тест на дружелюбие.

— А не побьют?

— Люди обычно просто проходят мимо. У нас со студентами есть предположения насчет разных мест в Москве — эксперимент покажет, насколько они точны. Мы, например, предполагаем, что люди пожимают руки женщинам в три раза чаще, чем мужчинам. Давайте попробуем вместе?

Я понимаю опасения тех людей, которые запрещают милгрэмовские эксперименты, но понимаю и то, что моя этика — это этика Милгрэма и Такушьяна, и все мои симпатии на их стороне.

На следующий день я спускаюсь по ступеням «Ашана» и, чувствуя себя кем-то вроде доброго волшебника, с широкой улыбкой обращаюсь к первому встречному:

— Разрешите пожать вашу руку!

Фотографии Андрея Константинова

Автор: Андрей Константинов © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 3357 19.12.2013, 12:26 📄 652
URL: <https://babr24.com/?ADE=121717> Bytes: 28716 / 27953 Версия для печати

[👍 Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Андрей
Константинов** .

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)